

DOI: [10.14515/monitoring.2024.6.2587](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2587)

Е. В. Тыканова

**ФРАГМЕНТАЦИЯ ИНТЕРЕСОВ:
ВНУТРЕННИЙ КОНФЛИКТ И РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ
ГОРОДСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ В РОССИИ**

Правильная ссылка на статью:

Тыканова Е. В. Фрагментация интересов: внутренний конфликт и результативность городских общественных движений в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 6. С. 297—318. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2587>.

For citation:

Tykanova E. V. (2024) Fragmentation of Interests: Internal Conflicts and Social Movements' Performance in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 297–318. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2587>. (In Russ.)

Получено: 17.03.2024. Принято к публикации: 11.10.2024.

ФРАГМЕНТАЦИЯ ИНТЕРЕСОВ: ВНУТРЕННИЙ КОНФЛИКТ И РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ГОРОДСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ В РОССИИ

ТЫКАНОВА Елена Валерьевна — кандидат социологических наук, заместитель директора по научной работе, заведующий сектором социоурбанистики, Социологический институт Российской академии наук — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: elenatykanova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1060-0064>

Аннотация. Статья посвящена анализу взаимосвязи конфликтов в локальных городских общественных движениях с характером результативности их деятельности. Несмотря на то, что внутренний конфликт ожидаемо ослабляет позиции общественного движения, социальные исследователи указывают на неоднозначное воздействие внутренних разногласий на достижение целей и результативность таких гражданских объединений. Конфликтные взаимоотношения в городских общественных движениях будут рассмотрены с опорой на наработки исследователей в области изучения того, как противостояния между активистами могут объяснить результативность их деятельности, а также теорию полей Н. Флигстина и Д. Макадама. Городское общественное движение, организующееся вокруг локальной градостроительной проблемы, понимается в качестве поля стратегического действия — арены, которая возникает вследствие того, что коллективные акторы объединяются для достижения какого-либо блага, а точнее — приобретения стратегического преимущества в ходе взаимодействия с другими группами. «Доминирующие игроки» в поле занимают лидирующие позиции, тогда как их оппоненты — «претенденты»

FRAGMENTATION OF INTERESTS: INTERNAL CONFLICTS AND SOCIAL MOVEMENTS' PERFORMANCE IN RUSSIA

Elena V. TYKANOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Deputy Director on Science; Head of Urban Studies Department
E-MAIL: elenatykanova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1060-0064>

¹ The Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Abstract. This paper analyzes the interrelation of conflicts within local urban social movements and their general progress. Although internal conflicts predictably weaken the positions of social movements, some scholars observe an ambiguous influence of internal discordance upon the activists' performance and goal achievement. In its analysis of conflictual relations within urban social movements, the paper relies on scholars' earlier findings on how clashes and collisions between activists can explain their overall progress. Furthermore, it uses N. Fligstein's and McAdam's theory of fields as the primary framework. Each social movement that gets shaped around a local city-planning issue is thus considered a strategic action field, i.e., an arena that emerges because collective actors come together to strive for some good or, more specifically, some strategic advantage to be gained in and through interaction with other groups. Incumbents hold dominant positions in the field, while their opponents, called challengers, seek to revise the existing rules of the field's organization and of profit distribution and/or to reach a more advantageous position in the field, which makes a source of internal conflicts.

(англ. — challengers) стремятся к пересмотру правил организации поля, распределения прибылей и/или достижению более выигрышной позиции в поле, что является источником внутреннего конфликта.

Исследование опирается на материалы девяти кейс-стади городских локальных конфликтов в четырех городах-миллионниках России, которые начались и закончились в период с 2012 по 2020 г., а также экспертные интервью о траекториях городского развития в изученных городах. Автор приходит к выводу, что изученные градозащитные движения, имеющие внутригрупповой конфликт, были как успешны, так и безуспешны в плане осуществления поставленной активистами цели. Более «радикальный» фланг в поле городского общественного движения представлен во всех случаях, закончившихся как полной/частичной победой активистов, так и их поражением — либо по требуемому вложению ресурсов государства, либо по другим основаниям: (не)готовности к масштабированию конфликта от локального уровня к городскому, (не)использованию более «радикальных» методов публичной политики, (не)избеганию издержек коалиции с сильным союзником и пр. Конфликты внутри полей городских общественных движений, как правило, не выходят в публичное пространство. Следовательно, они не становятся инструментом в руках более умеренных флангов в городских инициативных группах по привлечению внимания государственных игроков. Таким образом, эффект «фрагментации с радикальным флангом» не имеет для «сильных» акторов значения, поскольку преимущественно ими не наблюдается.

Ключевые слова: городское общественное движение, поле стратегического действия, достижение целей, внутригрупповой конфликт, результаты деятельности общественного движения

The research embraces nine cases of urban local conflicts from four Russian million-plus cities that unfolded between 2012 and 2020 and a series of expert interviews about the trajectories of urban development in these cities. The author concludes that the city-protecting movements under study that experienced internal conflicts could be successful and unsuccessful in implementing their goals. A more 'radical' flank in the fields of urban social movements was present in all cases, both the ones that resulted in a complete/partial victory of the activists and the ones that ended in their defeat: either due to the required investment of state resources or for other reasons such as (not) upscaling the conflict from the local level to the city-wide level, (not) resorting to more 'radical' methods of public policy, (not) avoiding the side effect of establishing a coalition with a strong ally, etc. Conflicts within the fields of urban social movements do not exist in the public space. Hence, more moderate wings in urban initiative groups cannot use them to attract state actors' attention. Thus, the effect of 'fragmentation with a radical flank' ('radical flank effect') is not significant for 'strong' actors since it is not even visible to them.

Keywords: urban social movement, strategic action field, goals achievement, intragroup conflict, outcomes of public movement

Введение

Возникновение споров и разногласий, приводящих к конфликтам в общественном движении, — сравнительно периферийный сюжет в социологической научной практике по сравнению с изучением вопросов мобилизации и единения членов таких инициативных команд [McCarthy, Zald, 1997; Kriesi, Koopmans, Duyvendak, 1992; Almeida, 2019; Тилли, 2019]. Общественные движения, претендуя на пересмотр социального, политического, экономического порядка, испытывают дефицит легитимации своей позиции, а также влияния на своих оппонентов — «сильных» групп интересов и в целом на формирование политической повестки. В этой ситуации им необходима консолидация уже имеющихся и привлечение новых ресурсов посредством рекрутинга членов, выстраивания альянсов, поиска союзников и внутренней мобилизации.

Между тем в процессе борьбы активисты неминуемо сталкиваются с необходимостью разрешения постоянно возникающих перед ними дилемм и вынужденно совершают тот или иной стратегический выбор: обратиться к протестным или формальным инструментам отстаивания своей позиции; выстроить иерархизированную или горизонтальную организационную структуру; положиться на поддержку влиятельного политического союзника или избежать такого сотрудничества и пр. (о дилеммах см. [Jasper, 2004; Jasper, Zhelnina, 2024]). Необходимость предпринимать такие выборы становится источником фрагментации интересов, конфликтов, расколов в среде активистов.

Несмотря на то, что внутренний конфликт ожидаемо ослабляет позиции общественного движения, социальные исследователи указывают на неоднозначное воздействие внутренних разногласий на достижение целей и результативность таких гражданских объединений. В данной статье будет предпринята попытка изучения взаимосвязи конфликтов, возникающих в общественных движениях в защиту городского пространства в городах-миллионниках России, с достижением поставленных ими целей. Конфликтные взаимоотношения в городских общественных движениях будут рассмотрены с опорой на эвристический потенциал теории полей Н. Флигстина и Д. Макадама [Fligstein, McAdam, 2011; Флигстин, Макадам, 2022], а также на наработки исследователей общественных движений в области изучения того, как противостояния между активистами могут объяснить результативность их деятельности. В первой части статьи будут рассмотрены теоретические основания исследования, а именно теория полей Н. Флигстина и Д. Макадама. В частности, с опорой на их теорию будет показано, что конфликт между акторами является одним из онтологических оснований развития поля стратегического действия, вариантом которого является общественное движение, нацеленное на приобретение тех или иных коллективных благ. Затем будут проанализированы исследования, посвященные изучению внутренних конфликтов и их связи с результативностью общественных движений. Проведенный обзор научной дискуссии покажет, что теоретики конфликтов в общественных движениях задаются вопросами о том, приводят ли распри в активистских группах к упадку или же, наоборот, способствуют оптимизации их деятельности в кризисной ситуации. В этом разделе будет продемонстрировано, что среди социологов и политологов нет однозначного консенсуса о причинах, которые способны при-

вести к внутригрупповому конфликту в движении. К возможным стимулам такой фрагментации и споров они относят идеологию участников групп, вопросы лидерства, выбор организационной структуры, отсутствие консенсуса по поводу промежуточных и конечных целей движения, тактик и стратегий борьбы (формальные или публичные, более сдержанные или радикальные), а также издержки коалиций с другими (в том числе более ресурсными и статусными) акторами и т. д. Все эти факторы способны привести к внутреннему конфликту в активистских командах и, в частности, к специфическому явлению — «фрагментации с радикальным флангом» — когда в результате непримиримого спора движение распадается на две независимые и обособленные части и более умеренный фланг, публично дискредитируя «радикалов», получает преимущества от сильных групп интересов. Далее будет представлено описание полевых материалов эмпирического исследования, выполненного с помощью качественных методов сбора и анализа данных — случаев внутренних конфликтов в городских локальных движениях в городах-миллионниках России. После чего будут проанализированы эмпирические данные и в заключении — приведены основные выводы относительно причин возникновения внутренних конфликтов в движениях, а также их прямого или косвенного влияния на достижение целей активистских команд.

Конфликт в «поле стратегического действия»

Мобилизация общественного движения — классический образец возникновения поля стратегического действия, который приводят в своей теории поля Н. Флигстин и Д. Макадам [Флигстин, Макадам, 2022: 167, 200]. Тогда как поле стратегического действия понимается ими в качестве арены, возникающей вследствие того, что коллективные акторы (как минимум две группы), объединяются для достижения какого-либо блага, а точнее — приобретения стратегического преимущества в ходе (и посредством) взаимодействия с другими группами. Внутри каждого поля игроки действуют, опираясь «на знания друг о друге, а также на набор общеразделяемых представлений о целях поля, сложившихся в нем отношениях (в том числе о том, кто и почему обладает в нем властью) и правилах поля» [Fligstein, McAdam, 2011: 3]. Таким образом, разделяя общий «смысл» и ценности, которые объединяют акторов в поле, эти игроки согласовывают свои действия, разделяют общее понимание властной диспозиции как внутри, так и в сопряженных полях и предпринимают коллективное усилие для достижения общей цели [Флигстин, Макадам, 2022: 49].

Поля стратегического действия всегда предполагают наличие в них лидирующих акторов, которые контролируют соблюдение установленных «правил игры» и крайне заинтересованы в их сохранении и воспроизводстве. Это обстоятельство обеспечивает условия для стабильности и устойчивости поля стратегического действия. Таких акторов авторы теории называют «инкумбентами», или «доминирующими игроками». Миноритарные акторы — «претенденты» — могут стремиться к пересмотру правил организации поля, распределения прибылей, стратегическому преимуществу и/или достижению более выигрышной позиции в поле. Тем не менее, как отмечают авторы теории, зачастую претенденты склонны придерживаться сложившегося в поле порядка. Ведь вступление в борьбу с доминиру-

ющим игроком в стабильной ситуации может быть невыгодно и сулит большими рисками и издержками, в том числе — угрозой претендентам и вовсе лишиться своей принадлежности к полю [там же: 320]. Впрочем, потенциал для возникновения конфликта даже в довольно устойчивом поле стратегического действия всегда существует, поскольку его стабильность зависит не только от усилий доминирующих игроков, но и поддержки и устойчивости других, сопряженных полей стратегического действия, в особенности — государственных [там же: 220].

Городское общественное движение, организующееся вокруг какой-то локальной градостроительной проблемы, будет рассмотрено в данной статье в качестве поля стратегического действия. Такие движения, стремительно мобилизующиеся в ответ на кризисную ситуацию, порой носят реактивный характер и имеют мало времени на стабилизацию внутреннего порядка. Вследствие этого они зачастую не являются в высокой степени устоявшейся и самовоспроизводящейся структурой. Поэтому они в большей мере подвержены перспективе столкнуться с внутригрупповыми конфликтами, тогда как доминирующие роли в таких полях могут активно проблематизироваться их участниками. С другой стороны, оппоненты таких движений — преимущественно «сильные» и высокоресурсные игроки из коммерческих, государственных и прочих полей стратегического действия, заинтересованные в дестабилизации городского общественного движения. Поэтому конфликты по поводу правил «игры», лидерства, распределения ресурсов, выбора стратегий действий, понимания целей участников городского общественного движения остаются неизбежными.

В целом достижение целей игроков, как заявляют Н. Флигстин и Д. Макадам, в большом количестве случаев обусловлено именно поддержкой государственных полей стратегического действия (о союзах чиновников и активистов в городских конфликтах см. [Тыканова, Шевцова, Желнина, 2024]), а также конфигурацией связности и укорененности в иные поля стратегического действия, нежели только усилиями игроков самого изучаемого поля. Однако, замечают Флигстин и Макадам, не стоит недооценивать действия участников — в нашем случае активистов городских общественных движений — по привлечению внимания государственных акторов, установлению связей с иными релевантными для них игроками и т. д., а также их собственный вклад в достижение поставленной цели [Флигстин, Макадам, 2022: 220]. В связи с этим мы можем сделать теоретическое предположение, что конфликт в общественном движении может иметь как прямую, так и опосредованную связь с конечной результативностью деятельности активистов, а также влиять на характер этой результативности.

Внутренний конфликт и результативность общественного движения

Конфликт в общественном движении, по утверждению У. Гэмсона, как правило, сопровождается снижением консолидации усилий и ресурсов его участников и тем самым ведет к уменьшению шансов на достижение поставленных целей. В то время как мобилизованные и солидаризованные протестные активности, умеющие выстраивать отношения и формировать коалиции с другими игроками, чаще добиваются успеха [Gamson, 1975: 59—61]. Основа консолидации членов инициативной команды — наличие у активистов устойчивой коллективной иден-

тичности. Такая идентичность может формироваться в том числе с опорой на бинарную оппозицию посредством различения «нас» и «их» — оппонентов, против (действий) которых выступают протестующие [Poletta, Jasper, 2001: 291].

К результатам деятельности общественных движений социальные ученые относят самые разнообразные феномены. Это могут быть разного порядка политические результаты, такие как проведение реформ, принятие новых законопроектов, разработка политических решений. Деятельность групп активистов также может оказывать влияние на политические партии и государственную бюрократию [Amenta et. al., 2010]. Значимые культурные изменения в обществе — как в широком, так и в узком смысле понимания культуры [Earl, 2004] — еще один возможный результат активности общественного движения. Успех или провал деятельности активистских команд может быть обусловлен различными его параметрами. В частности, предметом изучения становится рассмотрение успешности общественных движений в зависимости от их организационной формы (иерархизированные или с преобладанием горизонтальных связей) и тактик активистов (умеренные или радикальные) [Giugni, 1998]. Помимо явных и открыто артикулируемых активистами целей и ожидаемых исходов, гражданские протестные группы способны достичь «побочных», порой непредвиденных результатов [McCammon, Moon, 2014]. Например, опыт и степень вовлечения (в том числе высоко- или низкорисковый активизм) в оспаривание или борьбу за те или иные блага оставляют отпечаток на биографиях и дальнейших активистских траекториях участников движений [McAdam, 1989], а также влияют на формирование коллективной идентичности их членов [Poletta, Jasper, 2001]. К примеру, активисты, вовлеченные в оспаривание сноса одного конкретного здания, могут в дальнейшем включиться в работу градозащитного объединения. Тогда как деятельность экологической инициативной группы против мусоросжигания будет способствовать формированию культуры ответственного сбора мусора среди активистов (так и в более широком соседском или даже городском сообществе).

Какие поводы могут спровоцировать конфликты внутри общественного движения? Спорные ситуации могут возникнуть по причине недостатка ресурсов, а также объединения с более ресурсным игроком (в том числе НКО, другой инициативой или организацией), который будет пытаться влиять и подчинять действия более миноритарного общественного движения [Nicholls, 2013].

Риски конфликтов в стане активистов несет образование коалиций с другими игроками. С одной стороны, коалиции с другими инициативами, политиками, государственными акторами, представителями бизнеса и пр. — источник легитимности, максимизации влияния и повышенных шансов активистов воздействовать на политическую повестку. С другой стороны, команда активистов, вступая в альянс с более сильным и ресурсным партнером, может понести ряд издержек: потерю автономии (в случае, если сильный союзник навязывает свои цели и задачи), изменение в стратегиях и тактиках, а также необходимость идти на вынужденные компромиссы [Van Dyke, Amos, 2017].

Вопросы, связанные с идентичностью, а также идеологические споры [King, 2008] — важный источник конфликтогенности в общественном движении. Споры вокруг лидерства [Schwartz, Rosenthal, Schwartz, 1981], иерархии, организа-

ционной структуры, моделей принятия решений также приводят к внутренним разногласиям. Несмотря на то, что активистские команды мобилизуются для воплощения в жизнь той или иной цели, члены таких групп могут иметь разное видение внешней угрозы [Cable, Shriver, 2010], понимание самой цели и конфликтовать по поводу способов ее достижения — тактик и стратегий [Bandy, Smith, 2005]. В целом участники общественных движений в ходе мобилизации и последующей борьбы сталкиваются с целым спектром стратегических выборов. Сделанный выбор в пользу одной из двух альтернатив имеет как преимущества, так и недостатки для инициативных объединений.

Дж. Джаспер выделяет несколько видов таких дилемм. (1) «Организационная» ставит активистов перед необходимостью выбора между формальной бюрократизированной иерархической и горизонтальной организационной структурой движения. (2) «Расширения»: чем больше новых членов привлекает группа активистов и объединяется с другими организациями, тем больше консолидирует вокруг себя ресурсов и влияния. Тогда как чрезмерное расширение группы несет издержки в виде снижения координации и диапазона деятельности группы, что увеличивает расхождение интересов. Один из вариантов «расширения» — дилемма «влиятельного союзника». Объединение с «сильным игроком» предоставляет новые ресурсы, но грозит подчинением его целям. (3) «Смена целей» — выбор между строгим следованием первоначальной цели и ее адаптацией к новым возможностям и обстоятельствам. (4) Быть «непослушным или милым»: альтернатива между радикализмом вкупе с нарушением правил и соблюдением конвенций. (5) «Форма или содержание»: выбор между формальными риторическими, процессуальными приемами и содержанием требований. (6) «Внутри или вовне»: задает необходимость выбора ориентации призывов к членам команды или к посторонним аудиториям. Споры и несогласие по поводу выбора той или иной альтернативы при разрешении дилеммы — серьезный триггер внутренних конфликтов в движении [Jasper, 2004: 7—10].

Внутренние распри — одна из частых причин выгорания активистов, вследствие чего они в дальнейшем оставляют раннее начатое дело и покидают группу [Gorski, Lopresti-Goodman, Risingc, 2019]. В конечном итоге разногласия и фрагментация интересов внутри общественного движения могут достичь такой силы, когда группа распадается на фракции и по результатам раскола даже формируются отдельные команды или организации [Balsler, 1997].

Важное направление изучения конфликтов, фракционности и расколов среди активистов, участвующих в общественном движении, — рассмотрение не только из перспективы ответа на внутреннюю проблему, но и в взаимосвязи конфликта и воздействия «внешних» факторов или «внешней среды». Поскольку активность таких команд активистов направлена на изменение status quo: перераспределение ресурсов, изменение властных диспозиций, правил и пр., — заинтересованные в сохранении нынешнего порядка вещей могут пытаться оказать влияние на активистские группы, в том числе обращаясь к использованию потенциала развития конфликтности внутри самих движений. Как отмечает Д. Болсер, сами по себе факторы «внешней среды» не могут напрямую вызывать раскол в стане гражданской группы. Однако могут продуцировать ограничения и непредвиден-

ные обстоятельства, либо создающие, либо усугубляющие внутренний конфликт в движении. [ibid.: 199—201]. Важно подчеркнуть, что, с одной стороны, давление и репрессии оппонентов активистов ведут к усилению чувства солидарности, консолидации и единству внутри группы. С другой стороны, репрессии увеличивают разрыв и разногласия между «радикалами» и «умеренными» в движении [McLauchlin, Pearlman, 2012].

Д. Болсер выделяет четыре категории, обозначающие способы, с помощью которых «внешнее окружение» способно вызвать возникновение или стимулировать развитие уже существующего конфликта в общественном движении. (1) Структура политических возможностей, а именно сокращение респонсивности властей к требованиям активистов. Обратная ситуация — частичное принятие их требований ведет к тому, что часть «радикальных» активистов становится неудовлетворена результативностью работы инициативного объединения. Это способно привести к напряжению внутри группы, конфликту и расколу. (2) Механизмы социального контроля: проникновение в движение извне (в том числе правительственных игроков) может вызвать внутренний конфликт, поскольку подозрения, что инсайдерская информация может стать источником «утечки», порождают напряженность среди членов активистской команды. К категории социальных механизмов относятся также различного рода репрессивные меры и внешнее институциональное поощрение одних действий активистов в ущерб другим. (3) Внутреннему конфликту также может способствовать необходимость привлекать внешние ресурсы. (4) Ассоциации с другими группами и организациями — один из стимулов внутреннего конфликта в движении, поскольку не все члены группы готовы разделять установившийся характер взаимоотношений с внешними для них игроками [Balsler, 1997: 212—222].

Ряд социальных исследователей указывают, что влияние конфликта на результативность общественного движения не столь однозначно. С одной стороны, раскол необходим для выживания группы [ibid.], поскольку в критический момент, когда требуется стремительная консолидация членов команды, те, кто угрожает внутригрупповому сотрудничеству, уходят или выдавливаются из нее. С другой стороны, внутренние конфликты дают активистам возможность в ходе дискуссии отточить свою стратегию, а также артикулировать и закрепить свою идентичность [McCammon, Bergner, Arch, 2015: 159—161].

Для данной статьи важна работа Х. МакКэммон и ее коллег [ibid.], которая на примере борьбы движения за женские трудовые права показывает, что конфликт, приведший к фрагментации интересов и расколу группы на два фланга, может способствовать осуществлению целей одного из них. Такая фрагментация интересов привела к тому, что более умеренное крыло публично дистанцировалось от требования «радикалов» (эффект «фрагментации с радикальным флангом») изменить трудовое законодательство в пользу женщин. Взамен этого «нерадикальный» фланг смог привлечь внимание чиновников, которые согласились на сотрудничество и запустили процесс по достижению более умеренной цели активистов — внесения в законодательство поправки в защиту трудовых прав женщин. Радикальное же крыло со своими «завышенными» на тот момент требованиями потерпело неудачу.

Обзор исследований конфликтов среди участников общественных движений позволит выделить ключевые параметры конфликтогенности изученных нами инициативных групп, а также обсудить их связь с достижением целей и результативностью этих команд.

Цель и задачи

Цель данной статьи — анализ взаимосвязи конфликтов в общественных движениях в защиту городского пространства с характером результативности их деятельности. Для этого нам потребуется решить ряд задач. С опорой на теорию полей Н. Флигстина и Д. Макадама, а также представленный выше обзор исследований, посвященных изучению конфликтов и результативности общественных движений, предпримем попытку ответить на следующие вопросы:

1) Каковы причины возникновения конфликтов в полях городских общественных движений?

2) Приобретают ли фрагментация интересов и конфликты в полях городских общественных движений формы раскола, ведущего к созданию отдельных активистских групп?

3) Насколько характер разрешения конфликта в полях городских общественных движений опосредует (влияет) достижение цели полей?

3.1) Возможно ли в целом утверждать, что конфликт в полях городских общественных движений может полностью/частично объяснить провал в достижении целей поля?

3.2) Подтверждается ли на материале изучения полей городских общественных движений описанный выше эффект «фрагментации с радикальным флангом» [McCammon, Bergner, Arch, 2015]?

В фокусе нашего внимания находятся не формализованные и институционализированные общественные движения, которые могут существовать долговременно и преследовать масштабные цели через перманентную реализацию малых (о различении масштабных и малых исходов см. [Useem, Goldstone, 2022]), а локальные низовые инициативы с участием горожан, выступающих против конкретных градостроительных проектов. Эти инициативы после завершения эпизода противостояния могут продолжиться, если будут сформулированы более масштабные цели (однако этот сюжет оставим за рамками исследовательского интереса данной статьи). Выбор таких случаев в качестве предмета исследования обусловлен их характерными особенностями. Специфика таких локальных городских движений по сравнению с другими типами общественных движений заключается в следующем:

— их деятельность сосредоточена в городах (в качественную выборку изучаемых нами случаев попали только кейсы в городах-миллионниках, случаи в областях и в малых городах, деревнях и селах были исключены);

— в таких инициативах участвуют горожане, которые зачастую не имеют опыта гражданской активности или какой-либо принадлежности к общественным градозащитным, правозащитным, экологическим и пр. объединениям (хотя такие объединения в рассмотренных нами случаях нередко инициатируют градостроительные споры и/или поддерживают горожан и являются лоббистами их интересов);

- их деятельность направлена на отмену или изменение предлагаемого локального проекта трансформации городских территорий;
- стоит также отметить преимущественно деполитизированный характер их активности.

Конечная цель любого поля городского общественного движения будет квалифицироваться в этой статье в форме отмены градостроительного проекта и сохранения изначальной городской территории (далее — цель 1)¹. Тем не менее в процессе борьбы общественное движение способно добиться и существенных улучшений, выходящих за рамки изначально желаемого результата. Например, вместе с требуемой отменой строительства парковки в сквере будет проведено его комплексное благоустройство и озеленение. В данном случае в городском общественном движении есть потенциал раздора по поводу вариаций в воплощении «улучшений» на некогда оспариваемой территории (далее — цель 2).

Данные и метод

Проведенное исследование опирается на материалы кейс-стади городских локальных конфликтов в шести городах-миллионниках России²: три города в Приволжье (далее — Приволжье-1, Приволжье-2, Приволжье-3), город в Центральной России (далее — Центр), на Северо-Западе России (далее — Северо-Запад), а также в Сибири, — которые начались и закончились в период с 2012 по 2020 г. В каждом городе были изучены по три случая городских споров, отобранные согласно статистическому анализу наиболее частотных тематик городской мобилизации горожан: защита экологической безопасности и окружающей среды, историко-культурного наследия и оспаривание крупных инфраструктурных проектов [Семенов, 2019]. Поскольку для целей исследования важен параметр исхода взаимодействия, то в качественную выборку попали только завершённые случаи, имеющие определенный материальный результат, связанный с (не)трансформацией оспариваемой городской территории: заявленный проект реализован в полном объеме, реализован частично или же отменен. Изучение каждого случая подразумевало проведение полуструктурированных интервью со всеми участниками конфликтного взаимодействия. Однако в связи с низкой респонсивностью чиновников, политиков и представителей бизнес-структур основной массив данных составляют интервью с активистами или инициаторами публичного городского спора из среды профессионалов. Дополнительными материалами послужили экспертные интервью о траекториях городского развития в каждом из выбранных городов. В число экспертов вошли руководители и сотрудники градозащитных и экологических НКО и общественных объединений, городские активисты с продолжительным стажем участия в городских спорах, преподаватели вузов и научные сотрудники институтов — специалисты в области экологии, городского развития, а также научные исследователи городских конфликтов, сотрудни-

¹ Для достижения цели по отмене градостроительного проекта (цель 1) члены поля городского общественного движения стремятся реализовать текущие цели. Например, к выигрышу в суде или присвоению зданию охранного статуса ОКН. Такие сопутствующие цели будут обозначаться в данной статье как «промежуточные».

² В силу чувствительности тематики внутренних конфликтов в городских общественных движениях, а также в целях защиты информантов исследуемые города и кейсы, происходившие в них, будут анонимизированы.

ки проектных институтов, связанных с развитием городской среды, муниципальные, городские и региональные депутаты, городские и региональные чиновники, главы и сотрудники региональных отделений ВООПИиК, члены общественных советов изучаемых городов. Критерием отбора экспертов выступили частота их упоминания в СМИ, профиль их профессиональной деятельности, а также рекомендации экспертов, с которыми уже состоялось интервью. Эксперты рекрутировались через официальные запросы, а также обращение в социальных сетях. Общий эмпирический массив составил 88 полуструктурированных интервью. В результате открытого кодирования и дальнейшей категоризации были отобраны кейсы, в которых мы зафиксировали эпизоды конфликтов среди членов общественного движения, выступающих за отмену градостроительного проекта. Такие эпизоды произошли в изученных случаях:

— в Центре — защита рощи от проекта ее реконструкции (Роща), спор вокруг перспективы демонтажа высотного инженерного сооружения (Башня), а также строительства крупной дорожной трассы (Магистраль);

— в Приволжье-1 — проект засыпки и дальнейшей застройки озера (Озеро) и застройки леса (Лес);

— в Сибири — перспектива сноса домов и вырубки зеленых насаждений на крупной улице (Улица);

— в Приволжье-2 — проект строительства здания в парке (Застройка Парка), расширения проспекта (Проспект) и реконструкции парка (Благоустройство Парка).

В изученных кейсах городских локальных споров на Северо-Западе и в Приволжье-3³ признаков значимых внутренних конфликтов в командах активистов обнаружить не удалось, поэтому они были исключены из дальнейшего анализа.

Поля городских общественных движений с победой в достижении цели

В данном подразделе будут рассмотрены поля общественных движений, имеющие в ходе оспаривания городского пространства внутренний конфликт и при этом достигшие успеха (в том числе частичного) при реализации своих целей. Изученные нами движения, находящиеся в конфликте, могут достичь цели 1 и даже цели 2, а также открыто спорить внутри группы по поводу траекторий воплощения цели 2. Необходимо отметить, что при реализации цели 1 и цели 2 ключевым во всех изученных нами успешных случаях был вопрос вложения ресурсов со стороны как игроков из государственных полей стратегического действия, так и значимых иных игроков, связанных с полями городских общественных движений (в нашем случае — фандрайзерами). Окончательное решение, как правило, подразумевало экономию ресурсов и реализацию более «умеренного» проекта: и в случае достижения цели 1, и в случае достижения цели 2.

Активисты, выступающие против засыпки и застройки Озера в Приволжье-1, добились отмены этого проекта (цель 1), а также получили разрешение и частич-

³ Таким образом, 31 интервью на Северо-Западе и в Приволжье-3 не использованы в эмпирической части статьи. В анализ вошли оставшиеся 57 интервью с участниками градостроительных споров и экспертами в Центре, Приволжье-1, Приволжье-2 и Сибири. Параграфы «Поля городских общественных движений с победой в достижении цели» и «Поля городских общественных движений с неудачей в достижении цели» содержат ссылки на выдержки из интервью только избранной для представления результатов анализа части информантов. Их перечень представлен в Приложении к статье.

ную финансовую поддержку для создания вокруг Озера природного парка (цель 2). При этом часть активистов вместе с их лидером, а также их фандрайзеры выступили в пользу более дешевого (и, вероятно, выгодного для активистов этого фланга) и менее экологичного проекта. Это обстоятельство привело к конфликту с поддержавшими их на более ранних этапах профессиональными экологами, которые лоббировали более дорогостоящий и менее инвазивный для окружающей среды проект благоустройства будущего парка:

*Пришли тоже к *** [профессиональный эколог, поддерживавший активистов], раз она экологию смотрела этого и спросили, сколько стоит сделать экологичное благоустройство так, чтобы не навредить. И у нее сумма, поскольку экологично — это всегда дорого, была больше. А там работала фирма, вернее, там в составе инициативной группы, тут такие связи, была женщина [у которой были связи со строительной фирмой]. Поэтому щебенки, песка, битого бетона у них было бесплатно КАМАЗами. Топорно было сделать почти бесплатно. Соответственно, они поставили цену в четыре раза дешевле, чем у *** можно было сделать, но из бетона и песка. (Э1, Приволжье-1, кейс Озеро)*

В конечном счете экологи прекратили взаимодействовать с этим активистским флангом, и было воплощено решение, предложенное лидером общественного движения и поддерживающими его активистами.

В случае защиты Леса в Приволжье-1 активистам также удалось достигнуть цели 2: мэр города отменил постановление о застройке Леса, к тому же из бюджета были выделены средства для комплексного благоустройства этой городской природной территории. Обсуждение проекта нового парка вызвало острый конфликт между градозащитниками и подключившимися к подготовке проекта благоустройства Леса профессионалами (архитекторами, проектировщиками), которые придерживались более умеренной концепции вместо «завышенных» с их точки зрения требований горожан, выдвинутых на этапе партисипаторного проектирования:

У нас не было такого гласного, негласного закона или правил проведения ответственности. То есть должны быть правила ответственности, как архитекторов, чиновников, так и самих активистов, и местных жителей. Что мы можем требовать, чего мы не можем требовать. Где заканчиваются компетенции одни и начинаются компетенции другие. Где требования там от местных жителей и активистов перерастают уже в террор и вымогательство. (И1, Приволжье-2, кейс Лес)

В результате конфликта в основу реконструкции Леса легло «экономичное» решение, к которому были склонны профессионалы. Тогда как план «радикального» фланга активистов остался на периферии конечного планировочного решения, а они — на позиции «претендентов», требования которых были удовлетворены не в полной мере.

После отмены проекта нежелательной реконструкции Рощи (достигнута цель 1) в Центре между участниками общественного движения разгорелся конфликт. «Умеренный» фланг активистов выступил за поддержание первозданной природы

парка, тогда как более «радикальный» требовал создания в Роще ландшафтного парка:

Кто-то хочет, чтобы везде был английский газон. А кто-то отстаивает то, что, поскольку это роща наша, она садово-парковая, объект садово-парковый чего-то там, то, соответственно, в ней не должно быть этого газона, который там пять сантиметров. А допускается разнотравье и даже этот как бурьян. (И2, Центр, кейс Роща)

В данном случае победу одержал тот активистский фланг, который выступал за невмешательство в существующий ландшафт Рощи. Аналогично закончилась история с защитой Башни в Центре от ее потенциального демонтажа. Защитники (историки архитектуры), выступавшие за сохранение инженерного сооружения в первозданном виде без дополнительных вмешательств, вступили в конфликт с активистами из среды технических специалистов, которые требовали замены и укрепления части опор Башни. Победу вновь одержал «умеренный» фланг (который и занял позиции доминирующего игрока в этом поле общественного движения), что по истечении времени способствовало обветшанию сохраненного на прежнем месте высотного сооружения.

Конкуренция за лидерские позиции в активистской группе — один из немаловажных факторов конфликтогенности в поле городских общественных движений, которым удалось добиться своих целей. В частности, раскол и рассогласованность действий защитников Башни в начале оспаривания проекта ее демонтажа произошли вследствие борьбы активистов за символическое право участия в борьбе за сохранение сооружения:

Именно Фонд очень так прифигел от того, что никто ни с кем ничего особо не согласовывает, в смысле не хочет. Потому что, поскольку Фонд возглавляют наследники и там какая-то свара между наследниками, потомками, то, значит, они унаследовали. Вот им как-то кажется, что это их. А тут помимо них все схватились. (Э2, Центр, кейс Башня)

Случай борьбы за отмену сноса двух зданий и против вырубki зеленых насаждений на Улице в Сибири демонстрирует череду конфликтов среди активистов, претендующих на ведущие позиции в инициативной группе. В частности, раздоры вызвала позиция претендующей на ключевые позиции активистки, которая выступала за масштабирование решаемой проблемы с локального уровня до общегородского:

Тоже я говорила о том, что нужно полностью весь город собирать и, в принципе, против точечной застройки. Потому что эта проблема, она тогда была во всей красе. Сейчас уже остатки такие, там клочки земли, которые случайно как-то выжили. То есть у нас уже на спад это идет, в принципе, уже строить негде, вот. А тогда еще это была острая проблема для всего города. (И3, Сибирь, кейс Улица)

Эта активистка выступила с открытой критикой деятельности депутата городской ассамблеи, являвшегося одним из важных союзников инициативной груп-

пы. В результате она не смогла получить легитимный лидерский статус, ей были поручены рутинные задачи городского общественного движения, и она осталась на позиции «претендента». Дальнейшее развитие активистской команды также сопровождалось фрагментацией интересов, когда появилась альтернативная группа, претендующая на основную деятельность по координации оспаривания городского пространства:

Организовался, так сказать, второй центр власти. Одна женщина попыталась все перетянуть на себя. Что она тут самая главная, значит, активист, значит, самый главный протестующий. Что все, что там делалось до этого, это всё ерунда. (И4, Сибирь, кейс Улица)

В конечном счете активистская группа, позиционирующая проблему как сугубо локальную и поддерживаемая сильным союзником в лице депутата, смогла отстранить всех претендентов на лидерские роли, укрепила свою позицию «доминирующего» игрока и добилась «промежуточной» цели: территория Улицы получила охраненный статус «достопримечательного места», но вслед за сносом оспариваемых зданий и строительством на этом месте ЖК.

Согласно нашему исследованию, важным триггером конфликта в городских общественных движениях, достигших победы, были полярные позиции претендующих на рычаги принятия решений членов городских общественных движений по поводу предпочтительных инструментов ведения борьбы. Фрагментация внутри таких групп проходила вдоль линии континуума «радикализм — умеренность», как это произошло в кейсе защиты Улицы:

В группу приходили, конечно, люди достаточно странные, иногда, по-моему, не вполне психически здоровые. Начинали требовать там, что: «Давайте перекроем улицу, давайте мы там вокруг этой стройки устроим крестный ход, давайте мы там пойдём, значит, там ложиться под бульдозеры». Ну, такое. (И4, Сибирь, кейс Улица)

Поводами, разделяющими активистские команды, могли также выступать разногласия, укладываемые в континуум: формальные способы борьбы (обращения в суд, прокуратуру и пр.) vs. ситуативные, публичные инструменты оспаривания городского пространства (митинги, акции). Так, в частности, случилось в ситуации конфликта двух лидирующих активистов в ходе успешного оспаривания парка в Приволжье-2 от возведения на его территории аквапарка — случай Защиты Парка (И5, Приволжье-2, кейс Защита Парка). Тем не менее, как правило, члены городских общественных движений, добившихся успеха, подчеркивают ценность аккумуляции эффектов от разнообразия репертуаров оспаривания городского пространства.

Поля городских общественных движений с неудачей в достижении цели

Этот раздел посвящен рассмотрению конфликтов в полях городских общественных движений, которым не удалось добиться каких-либо значимых результатов и достигнуть поставленных целей (как минимум, цели 1) — оспариваемый ими

градостроительный проект был полностью реализован. Это произошло в случае расширения Проспекта в Приволжье-2, проект которого был приурочен к проведению в городе крупного спортивного события. Инициативная группа в этом кейсе была фрагментирована и конфликтовала по нескольким основаниям, среди них: предпочтение одним лидирующим членом команды публичных арен в противовес действиям оппонировавшего лидера, активно использовавшего формальные арены борьбы (исковые обращения в суд и подготовку экспертиз). Вследствие этого в группе произошел раскол, который привел к низкой информированности активистов о работе друг друга и, как следствие, к недостатку скоординированности и согласованности их действий:

Она дальше пошла в суд сама. Она решила, что она вот такая умная, справится без юристов каких-то. Она пошла сама, естественно, там ей ничего добиться не удалось... Просто вот до смешного доходило, что мы приходили на эти собрания, мы бегали там, значит, расклеивали листовки, оповещали жителей этих домов, а юристы подъезжали отдельно вместе с этой женщиной. Ну, как-то не клеивалось совершенно никакое сотрудничество (ИБ, Приволжье-2, кейс Проспект)

Одна из ключевых активисток, описывая возможные позитивные сценарии развития оспаривания Проспекта, признала недостаточное внимание к потенциалу публичных арен и мобилизации внешних союзников:

И, возможно, если мы, может быть, сделали больше, вообще бы каждый день митинги собирали. То возможно бы все-таки из Москвы, все равно это все контролируется, из Москвы сказали бы: «Слушайте, да оставьте Проспект, там проведите дорогу». Возможно, да... То есть масштабность таких акций, если она массовая и частая [могла бы привести к успеху] (И5, Приволжье-2, кейс Проспект)

Схожим образом между членами общественного объединения произошел раскол в процессе эпизода городского противостояния вокруг перспективы реконструкции парка в Приволжье-2 (кейс Благоустройство Парка). Одни воспользовались публичной «радикальной» стратегией и встали в пикет напротив мэрии города, которая вступила в противоречие с достигнутыми соглашениями «умеренных» активистов с чиновниками на более «спокойных» формальных аренах:

Часть договорившихся не выполнили эти договоренности, пошли с пикетами. А та часть, которая говорила: «Алле, ребят, давайте подождем, сейчас примут на законодательном уровне, не спугивайте их. Мы же договорились, мы большинством договорились». Видимо, там какое-то голосование было. «А вы вышли!» Они якобы с властями договорились о чем-то. Типа: «Ребята, подождите еще сколько-то, и все вам будет». Но эти, кто вышел с пикетами, не могут ждать. «Мы опять выходим с пикетами». Вот они тут вчера весь вечер и ругались. (Э3, Приволжье-2, кейс Благоустройство Парка)

Перспектива строительства масштабной транспортной артерии, которая проходила бы по территории множества районов Центра (кейс Магистраль), объеди-

нила вокруг себя множество горожан, политиков, депутатов и медийных персон, выступивших против этого проекта. Тем не менее активистам не удалось избежать череды конфликтов, возникших из-за того, что в ходе оспаривания городские власти начали переносить трассировку Магистрала в другой район. Это вызвало недовольство проживающих там жильцов, которые ранее поддерживали активистов из того района, где изначально предполагалось проведение трассы:

А некоторые люди из нашего района, наоборот, возмущались на активистов и говорили, что мы ходили на публичные слушания, были против Магистрала, а ее теперь перекинули к нам. (И7, Центр, кейс Магистраль)

Значимые расколы в команде общественного движения вызвали такие проблемы, как выбор умеренной или «радикальной» цели борьбы (установка антишумовых щитов vs. дорогостоящий проект заглубления под землю трассы) и необходимость вложения активистами ресурсов для получения дополнительной экспертизы проекта Магистрала:

*Значит, голландцам заказали. Она [экспертиза] стоила достаточно дорого, они денег не собрали, там ***, в общем, со всеми тоже переругался из-за финансов. (И8, Центр, кейс Магистраль)*

Особенность всех попавших в выборку неуспешных и имевших внутренний конфликт общественных движений вокруг оспаривания городского пространства состоит в том, что они сталкивались с масштабными градостроительными проектами, которые предполагали федеральный бюджет и заинтересованность федеральных игроков.

Выводы и дискуссия

Отвечая на исследовательский вопрос, посвященный связи внутригрупповых конфликтов и достижений городских активистов, мы можем заключить, что изученные градозащитные движения, которые имели внутренний конфликт (а порой и череду конфликтов вокруг различных поводов), были как успешны, так и безуспешны в плане осуществления поставленной активистами цели. По крайней мере в отношении городских движений, добившихся отмены градостроительного проекта, мы можем говорить, что конфликт не оказал значимого негативного влияния на достижение ими конечной цели. С большой долей вероятности решающее воздействие на конечный результат имели иные факторы: способность активистов привлечь на свою сторону влиятельного игрока и/или же политические условия, при которых сильные игроки из других полей стратегического действия, в том числе государственных, заняли сторону протестующих горожан.

С другой стороны, все случаи оспаривания городского пространства, которые закончились провалом в удовлетворении целей городских активистов, характеризует наличие «сильных», высокоресурсных игроков-оппонентов. В нашей выборке кейсов ими оказались федеральные чиновники из государственного поля

стратегического действия, продвигающие крупномасштабные и высокоресурсные градостроительные проекты. Как подтверждают наши эмпирические данные, соперничество городских активистов с федеральным игроком, как правило, обречено на неудачу [Желнина, Тыканова, 2021: 215—216; Тыканова, Хохлова, 2021: 117—118]. На низкой результативности таких движений могли также сказаться невозможность мобилизации большего числа сторонников вкпе с недостаточным использованием лидерами возможностей публичных арен для создания общественного резонанса вокруг градозащитного эпизода.

В ответ на исследовательские вопросы о формировании отдельных активистских флангов вследствие фрагментации в группе, а также о причинах, ведущих к конфликтам в изученных нами городских локальных движениях, можно отметить следующее.

1) Фрагментация интересов в редких случаях приводила к образованию отдельных активистских команд. Как правило, одна из таких команд в скором времени сходила с арены оспаривания городского пространства, уступая место другим «доминирующим» активистам.

2) Более «радикальный» фланг в поле городского общественного движения представлен во всех случаях, закончившихся полной/частичной победой активистов (равно как и их поражением): либо по требуемому вложению ресурсов государства или фандрайзера, либо по другим основаниям: (не)готовности к масштабированию конфликта от локального уровня к городскому, (не)использованию более «радикальных» методов публичной политики, (не)избеганию издержек коалиции с сильным союзником, (не)готовности вклада в деятельность движения собственных ресурсов и пр.

Конфликты внутри полей городских общественных движений редко выходят в публичное пространство. Следовательно, они, как правило, не становятся инструментом в руках более умеренных флангов по привлечению внимания государственных игроков. Таким образом, эффект «фрагментации с радикальным флангом» не нашел окончательного подтверждения в эмпирических данных. То есть государственные и иные акторы, за которыми последнее слово в разрешении градостроительных конфликтов, если и выражают готовность поддержать сторону активистов (тогда активисты достигают либо цели 1, либо даже цели 2), склонны к более умеренным вариантам реализации решений. В то время как эффект «фрагментации с радикальным флангом» не имеет для «сильных» акторов большого значения, поскольку преимущественно ими не наблюдается.

Проведенное исследование опосредованности результатов городского общественного движения конфликтами внутри команды активистов имеет ряд ограничений. Эмпирические данные, на которые опирается анализ, — полуструктурированные интервью с участниками событий и экспертами. Такой характер эмпирических материалов предполагает аберрации памяти информантов, переоценку прошедших событий и пр., что можно было бы компенсировать непосредственным наблюдением за процессами локального оспаривания городского пространства. Цель активистов в данной статье квалифицируется в довольно редуцированной и прагматической форме и имеет материальную детерминанту. Исследование могло бы улучшить включение в анализ иных целей и резуль-

татов деятельности движений, в том числе сопутствующих и долгосрочных. Следует добавить, что вне фокуса изучения оказались так называемые параметры «внешнего окружения» — сопряжения с другими полями стратегического действия, которые могут стимулировать конфликт в общественном движении, а также нивелировать последствия конфликта при достижении активистской группой своих результатов. Дополнило бы данную работу выяснение социальных причин отсутствия значимых расколов в движениях, выходящих в публичное поле, а также публичной фрагментации с эффектом правого фланга. Анализ того, каким образом полученные выводы связаны со спецификой властно-гражданских отношений в российском обществе, — научная задача, требующая дальнейшего пристального исследовательского внимания.

Список литературы (References)

1. Желнина А. А., Тыканова Е. В. «Игроки» на «аренах»: анализ взаимодействий в городских локальных конфликтах (случай Санкт-Петербурга и Москвы) // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 2. С. 205—222. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-205-222>.
Zheltnina A. A., Tykanova E. V. (2021) 'Players' in 'Arenas': a Study of Interactions in Local Urban Conflicts (A Case Study of Saint Petersburg and Moscow). *Journal of Social Policy Research*. Vol. 19. No 2. P. 205—222.
2. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-205-222>. (In Russ.)
Тыканова Е. В., Хохлова А. М. Множественные сценарии развития городских локальных конфликтов: случаи экологических угроз и развития дорожной инфраструктуры / Города расходящихся улиц: траектории развития городских конфликтов в России. М.; СПб.: ФНИСЦ РАН, 2021. С. 93—120. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-351-5.2021>.
Tykanova E. V., Khokhlova A. M. (2021) Multiple Scenarios of Urban Local Conflicts Development: Cases of Ecological Threats and Road Infrastructure Development. *The City of Forking Streets: Trajectories of Urban Conflicts Development in Russia*. Moscow, St. Petersburg: FCTAS RAS. P. 93—120. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-351-5.2021>. (In Russ.)
3. Семенов А. В. Корни травы: паттерны низовой городской мобилизации в России // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 29—37. <https://doi.org/10.31857/S013216250007746-3>.
Semenov A. V. (2019) The Roots of The Grass: Patterns of Grassroots Mobilization in Russia. *Sociological Studies*. No. 12. P. 29—37. <https://doi.org/10.31857/S013216250007746-3>. (In Russ.)
4. Тилли Ч. От мобилизации к революции. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1527-3>.
Tilly Ch. (2019) From Mobilization to Revolution. Moscow: HSE Publishing. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1527-3>. (In Russ.)

5. Тыканова Е. В., Шевцова И. К., Желнина А. А. Альянсы чиновников и активистов в городских локальных конфликтах // Социологическое обозрение. 2024. Т. 23. № 2. С. 90—119. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-2-90-119>.
Tykanova E. V, Shevtsova I. K, Zhelnina A. A. (2024) Alliances Between Authorities and Urbanites in Urban Local Conflicts. *Sociological Review*. Vol. 23. No. 2. P. 90—119. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-2-90-119>.
6. Флигстин Н., Макадам Д. Теория полей. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2022. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2667-5>.
Fligstein N., McAdam D. (2022) *A Theory of Fields*. Moscow: HSE Publishing. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2667-5>. (In Russ.)
7. Almeida P. (2019) *Social Movements: The Structure of Collective Mobilization*. Oakland, CA: University of California Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctvd1c7d7>.
8. Amenta E. et al. (2010) The Political Consequences of Social Movements. *Annual Review of Sociology*. Vol. 36. P. 287—307. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-070308-120029>.
9. Balsaer D. B. (1997) The Impact of Environmental Factors on Factionalism and Schism in Social Movement Organizations. *Social Forces*. Vol. 76. No. 1. P. 199—228. <https://doi.org/10.1093/sf/76.1.199>.
10. Bandy J., Smith J. (2005) Factors Affecting Conflict and Cooperation in Transnational Movement Networks. *Coalitions Across Borders: Transnational Protest and The Neoliberal Order*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield. P. 231—252. URL: <https://goo.su/P1L39y> (accessed: 17.03.2024).
11. Cable S., Shriver T.E. (2010) Wounded by Friendly Fire: Policy Palliatives and Internal Conflict in the Gulf War Illness Movement. *Current Sociology*. Vol. 58. No. 1. P. 45—66. <https://doi.org/10.1177/0011392109348545>.
12. Earl J. (2004) The Cultural Consequences of Social Movements. *The Blackwell Companion to Social Movements*. Oxford, MN: Blackwell Publishing. P. 508—530. <https://doi.org/10.1002/9780470999103>.
13. Fligstein N., McAdam D. (2011) Toward a General Theory of Strategic Action Fields. *Sociological Theory*. Vol. 29. No. 1. P. 1—26. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9558.2010.01385.x>.
14. Gamson W. A. (1975) *The Strategy of Social Protest*. Homewood, AL: Dorsey Press.
15. Giugni M. G. (1998) Was It Worth the Effort? The Outcomes and Consequences of Social Movements. *Annual Review of Sociology*. Vol. 24. No. 1. P. 371—393. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.24.1.371>.
16. Gorski P., Lopresti-Goodman S., Rising D. (2019) “Nobody’s Paying Me to Cry”: The Causes of Activist Burnout in United States Animal Rights Activists. *Social Movement Studies*. Vol. 18. No. 3. P. 364—380. <https://doi.org/10.1080/14742837.2018.1561260>.

17. Jasper J. A. (2004) Strategic Approach to Collective Action: Looking for Agency in Social-Movement Choices. *Mobilization: An International Quarterly*. Vol. 9. No. 1. P. 1—16. <https://doi.org/10.17813/MAIQ.9.1.M112677546P63361>.
18. King L. (2008) Ideology, Strategy and Conflict in a Social Movement Organization: The Sierra Club immigration wars. *Mobilization: An International Quarterly*. Vol. 13. No. 1. P. 45—61. URL: <https://meridian.allenpress.com/mobilization/article-abstract/13/1/45/82147/Ideology-Strategy-and-Conflict-in-a-Social> (accessed: 17.03.2024).
19. Kriesi H. et al. (1992) New Social Movements and Political Opportunities in Western Europe. *European Journal of Political Research*. Vol. 22. No. 2. P. 219—244. <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.1992.tb00312.x>.
20. McAdam D. (1989) The Biographical Consequences of Activism. *American Sociological Review*. Vol. 54. P. 744—760. <https://doi.org/10.2307/2117751>.
21. McCammon H. J., Moon M. (2014) Social Movement Coalitions. In: Della Porta D., Diani M. (eds.) *The Oxford Handbook of Social Movements*. Oxford: Oxford University Press. P. 326—339. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199678402.001.0001>.
22. McCammon H. J., Bergner E. M., Arch S. C. (2015) “Are You One of Those Women?” Within-Movement Conflict, Radical Flank Effects, and Social Movement Political Outcomes. *Mobilization: An International Quarterly*. Vol. 20. No. 2. P. 157—178. <https://doi.org/10.17813/1086-671X-20-2-157>.
23. McCarthy J. D., Zald M. N. (1977) Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory. *American Journal of Sociology*. Vol. 82. No. 6. P. 1212—1241. <https://doi.org/10.1086/226464>.
24. McLaughlin T., Pearlman W. (2012) Out-Group Conflict, In-Group Unity? Exploring the Effect of Repression on Intramovement Cooperation. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 56. No. 1. P. 41—66. <https://doi.org/10.1177/0022002711429707>.
25. Nicholls W. J. (2013) Fragmenting Citizenship: Dynamics of Cooperation and Conflict in France’s Immigrant Rights Movement. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 36. No. 4. P. 611—631. <https://doi.org/10.1080/01419870.2011.626055>.
26. Polletta F., Jasper J. M. (2001) Collective Identity and Social Movements. *Annual Review of Sociology*. Vol. 27. No. 1. P. 283—305. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.27.1.283>.
27. Schwartz M., Rosenthal N., Schwartz L. (1981) Leader-Member Conflict in Protest Organizations: The Case of the Southern Farmers’ Alliance. *Social Problems*. Vol. 29. No. 1. P. 22—36. <https://doi.org/10.2307/800075>.
28. Useem B., Goldstone J. A. (2022) The Paradox of Victory: Social Movement Fields, Adverse Outcomes, and Social Movement Success. *Theory and Society*. Vol. 51. No. 1. P. 31—60. <https://doi.org/10.1007/s11186-021-09460-2>.

29. Van Dyke N., Amos B. (2017) Social Movement Coalitions: Formation, Longevity, and Success. *Sociology Compass*. Vol. 11. No. 7. P. 1—17. <https://doi.org/10.1111/soc4.12489>.
30. Zhelnina A., Jasper J. M. (2024) Strategic Assemblies: Trade-Offs and Dilemmas for Social Movements. In: *The Oxford Handbook of Peaceful Assembly*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780197674871.013.34>.

Приложение. Список упомянутых в статье информантов

№	Шифр	Регион	Пол	Вид деятельности
1.	Э1	Приволжье-1	Ж.	Экологический активист, эксперт
2.	И1	Приволжье-2	Ж.	Архитектор, участник партисипаторного проектирования в кейсе Лес
3.	И2	Центр	М.	активист, участник городского общественного движения в кейсе Роща
4.	Э2	Центр	М.	Эксперт, участник городского общественного движения в кейсе Башня
5.	И3	Сибирь	Ж.	Активист, участник городского общественного движения в кейсе Улица
6.	И4	Сибирь	М.	Активист, один из лидеров городского общественного движения в кейсе Улица
7.	И5	Приволжье-2	Ж.	Активист, один из лидеров городских общественных движений в кейсах Застройка Парка и Проспект
8.	И6	Приволжье-2	М.	Активист, участник городского общественного движения в кейсе Проспект
9.	Э3	Приволжье-2	М.	Градозащитник, эксперт
10.	И7	Центр	Ж.	Активист, участник городского общественного движения в кейсе Магистраль
11.	И8	Центр	Ж.	Активист, участник городского общественного движения в кейсе Магистраль